

УДК 821.512.162:82-3

Л.Т. Гасанова*кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института литературы имени Низами Национальной академии наук Азербайджана*

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПРОЗЫ

В Азербайджане, как и на территории всего постсоветского пространства, 1990-е гг. являются новым этапом в литературе и общественно-политической жизни. Азербайджанские ученые относятся к этому периоду неоднозначно.

Так, известный критик Асад Джахангир считает, что «в развитии прозы эти годы могут быть охарактеризованы, скорее, как период внутренней подготовки к новому этапу, чем как новый этап» [1]. Другой известный критик Вагиф Юсифли отмечал: «90-е годы не стали особым этапом в развитии романной формы; имели место только интересные «опыты». К таким «опытам» Т. Алишаноглы относит романы Гамида Херисчи «Некролог», Первиза «Оленги» и ряд прозаических произведений Мекседа Нура, объединенные им под общим названием «Проза N» [2, с. 10].

Исследователь Айдын Талыбзаде высоко ценит деятельность видного современного языковеда и писателя Камала Абдуллы. В одной из своих статей он подчеркивает, что его творчество является «новым этапом в развитии азербайджанского романа» [3, с. 21]. Действительно, его роман «Неполная рукопись» (2004 год) на одном из республиканских литературных конкурсов был признан «лучшим произведением десятилетия». Переведенный на многие языки мира (русский, французский, польский, португальский и другие), он стал поистине бестселлером. В редакции журнала «Иностранная литература» состоялась презентация книги, в дальнейшем увидевшей свет в московском издательстве «Хроникер» [4]. В дискуссии принимали участие известные русские критики-литературоведы Лев Аннинский, Александр Ткаченко, издатель «Неполной рукописи» Борис Евсеев, Алла Ахундова, Людмила Лаврова, Инна Ростовцева и другие.

В романах К. Абдуллы наблюдается оригинальный сплав классических реалистических традиций и постмодернистских новаций. В качестве канонизированных признаков европейского постмодернизма здесь заметны следующие: потерянная и вновь обнаруженная спустя долгое время рукопись, мистические мотивы, связанные с описанием старинных замков и крепостей. Читатель словно погружается в мир не столько изображаемый и де-

монстративно показываемый, сколько рассказываемый. Здесь опосредованность и многоаспектность оценок сообщает главным действующим лицам объемность. Повествование становится стереоскопичным, точнее, стереофоничным. Рамки привычного расширяются, а естественные функции людей заменены проделками субъектов из иных миров. Так, за сохранностью свитков древней письменности ответственность несут не библиотекары, как и положено, а дух пещеры, который не дает людям раскрыть тайну рукописи. Далее, в согласии с программными установками литературного постмодернизма, реализуется отказ от авторского всеведения (последствия творчески перерабатываемой теории Ролана Барта о «смерти автора»), становящегося проблематичным на фоне «альтернативной литературы».

В романе «Некого забыть» происходит причудливое переплетение и взаимопроникновение элементов реального и мифического. В одной плоскости здесь одновременно существуют реальное и ирреальное время, сопряжены современность и прошлое, включая мифологию.

«Неполная рукопись» Камала Абдуллы является деконструкцией дастана «Книга отца нашего Коркуда», а роман «Гнездо вороны» Ильгара Фехми – народного дастана о «Кёроглы». Этим произведениям присуще использование поэтики сна, смешение реального и мистического, сна и яви, особое восприятие мира как хаоса («хаосмос» в трактовке некоторых русских постмодернистов), которые расщепляют привычные связи и моделируют «переворачивание жизненных доминант» [5, с. 47]. В обоих романах дастанские герои отчасти теряют свои изначальные черты и предстают перед нами в более «очеловеченном» свете. Так, главный сказитель Деде-Коркуд теряет статус аксакала, а надежда всего народа Кёроглы неожиданно оказывается беспомощным перед бедой. Авторы не только переосмысливают народный дастан, но и иронически полемизируют, «выворачивают наизнанку» знакомые события, наполняют их новаторским содержанием.

Следует отметить, что после опубликования книги К. Абдуллы в среде филологов

и представителей рядовой азербайджанской общественности разгорелась дискуссия. Некоторые ученые, включая Председателя правления Союза писателей Азербайджана, критиковали автора за непомерно смелую и в известной степени сомнительную трактовку узаконенных правил и канонов народного дастана.

Этот роман причисляется к опыту постмодернизма и является переломным в развитии современной прозы. Симптоматично, что многие начинающие прозаики пошли по этому тернистому пути. Они усиленно стараются усвоить технику нового по своей сути романа. К этому стремятся, к примеру, молодой писатель А. Шериф. В его романе «Харами» действие происходит как в полумифическом, так и в полуреальном мире. В произведение включены относительно самостоятельные тексты преданий, легенд, существующие как особый жанр – «рассказ в рассказе». Однако есть, на наш взгляд, принципиальное отличие: если в «Неполной рукописи» и некоторых других произведениях К. Абдуллы принципиально выражена мировоззренческая концепция постмодернизма, то в творчестве молодых большее внимание уделяется формальной стороне постмодернистской поэтики.

Показательно, что в азербайджанской филологической науке 2010 год был назван годом «романного бума». Многие национальные писатели-прозаики представили на суд читателей и критиков свои первые произведения. Некоторые из них были одобрены в местной печати. Так, литературоведы Т. Алышаноглы и Д. Юсифли из массы печатной продукции выделили романы молодой писательницы Нармин Камал «Открой, это я» и «Степь» Керамета Бююкчела. Хотя они же признали, что для азербайджанской литературы поиск героя представляет собой лишь проблески постмодернизма, в определенной степени сомнительные или дискуссионные.

Отрадно, что большинство молодых писателей, как правило, подбирает наиболее острые и болезненные темы, волнующие читателей разных поколений. Тем самым, во-первых, вносится некоторое разнообразие, во-вторых, работы далеки от иллюзий, и реалии быта чаще оказываются мрачными, суровыми. Некоторым произведениям присущи радикальный подход к действительности, избыток «открытых» сцен. В меру своих способностей и небольшого опыта молодые азербайджанские писатели все же объективно пытаются отобразить одновременно волнующие общество проблемы. Помимо указанных, назовем романы «Амнезия» А. Акпера, «Бог воз-

вращается» З. Яхмура, «Город» С. Перваны и другие. Характерно, что они изданы в 2010 году и активно обсуждались на сайте azadliq.org/section/virtual_library2/1000.html [6].

Нармин Камал в Азербайджане считается одной из наиболее талантливых современных художников слова. По крайней мере, из ее сочинений следует, что она имеет собственный и своеобразный подход к анализу отдельных художественных произведений. Свидетельством тому явилась ее книга «Умберто Эко и философия постмодернизма», к которой республиканская критика в целом отнеслась благосклонно.

По всеобщему признанию, достаточно оригинален сюжет романа Сеймура Байджана «Гугарк». При внимательном прочтении обнаруживается перекличка с романом В. Березина «Свидетель». Герой «Гугарка» индивидуалист, стоящий в стороне от событий, одним словом, – немой свидетель происходящего. Так задуман и главный персонаж романа В. Березина. Более того, некоторые эпизоды романа совпадают с эпизодами из романа «Там, при реках Вавилона» Дениса Гуцко.

Правда, наведение мостов с современной русской прозой заставило задуматься над резонным вопросом: по какой причине молодой писатель скрупулезно стремится перенять чужую позицию и почти не высказывает личностного отношения к поднимаемым проблемам? Так ли важно и актуально в наши дни заимствование, лишенное необходимой собственной «творческой жилки»?

Названные романы молодых писателей можно подвести под определенный знаменатель. С одной стороны, наблюдается стремление раскрепоститься, манифестировать такие идеи, которые свидетельствуют о взаимовлиянии реализма и постмодернизма в современной азербайджанской литературе. С другой – при отсутствии должного опыта и мастерства их творчество характеризуется описательностью, неумением владеть обширным художественным материалом. Много реальности, но мало писательского вымысла.

В работах писателей старшего поколения особое место занимает художественно-документальная проза. Это роман-размышление Анара «Словно Керем» (о Назыме Хикмете), документальный роман Сабира Рустамханлы, автобиографический роман Сабира Ахмедова и др.

В связи с вышеотмеченным можно констатировать: в современной азербайджанской прозе при определенных модернистских вариациях объективно лидирует реализм. И писатели «старшего поколения» это продолжают

доказывать. Однако реализм сегодня переживает кризис. Хорошо прочувствовал эту ситуацию Сергей Чупринин: «Уже прошло либо пока не вернулось время творческих “школ”, “направлений”, “методов”, чьи напряженные отношения обычно регулируют ход литературного процесса, вынося одни явления в мейнстрим, а другие сталкивая на обочину читательского и профессионально-критического внимания. И реализм, и натурализм, и концептуализм, и постмодернизм, и другие «измы» рассыпались на писательские индивидуальности. За политической беспартийностью последовала беспартийность эстетическая. Во всяком случае былой поляризованности, распада на враждующие друг с другом поколения или кланы нет и в помине. Частное возвысилось над общим... Книги стали важнее и интереснее тенденций. В цену вошли неповторимость, штучный художественный опыт, а не верность принципам, то есть тому или иному “школьному” канону» [7, с. 207].

Сказанное, по нашему убеждению, целиком и полностью можно отнести и к развитию современной азербайджанской прозы. Действительно, в произведениях писателей разных поколений уже почти стерся из памяти дух соперничества, сопричастности к чему-то большому и светлому. Нравственно-эстетическая парадигма тем более оказалась сниженной, а порою и вообще нивелирована. Вместо описания духовного мира героев авторы чрезмерно увлечены поисками приключений, созданием «наигранных сюжетов». Нередко повторяются избитые темы. Хотя некоторые писатели пытаются охватить масштабные и актуальные проблемы современности (расслоение общества в повести Ш. Назирли «Не снятый фильм»; неверность жен армейцев в повести Азера Абдуллы «Сержант», у Гариба Мехти «Струна для скрипки» вопросы «глобализации» и т. д.), им трудно отойти от традиционных сюжетов. Речь идет об отсутствии почтительного отношения «детей» к «отцам», истории о неудавшейся первой любви, мотивы самопожертвования восточной женщины ради своей семьи. Но, увы, современная азербайджанская женщина более эмансипирована, и эти качества сегодня являются «архаичными», нежели актуальными. Вероятно, следовало бы больше писать о потенциальной угрозе утраты этих качеств.

Отчасти этот пробел восполняет Новруз Наджафоглы. В русле данной проблематики режущим диссонансом прозвучала его повесть «Безнадежная путница», в которой воссоздан образ мудрой женщины, хранительницы семейного очага, а в рассказе «Дядя Кел-

би» он дополнен портретом народного ахсакала. Эти темы в азербайджанской литературе последних лет вновь актуальны.

Детективный сюжет встречается во многих произведениях (роман «Бегство на перепутье» Э. Гусейнбейли, «Актриса» Ильгара Фехми, «Сделавшие бога убийцей» Агила Аббаса), актуализируются экзистенциальные мотивы (роман Мекседа Нура «Мэр города»), воспроизведение образа через воспоминания, многозначная, недосказанная концовка.

Современной азербайджанской прозе, как правило, сопутствует ретроспективное время. Если раньше аксиоматично верили в то, что «лучшее, конечно, впереди», то герои современной прозы находятся в плену своего прошлого. Во многих произведениях передаются переживания прошлых лет: в повести «Аквариум» Ильгара Фехми, в романе «Бегство на перепутье» Эльчина Гусейнбейли. Пытаясь моделировать в области новых форм, Э. Гусейнбейли свое сочинение причисляет к типу «интерактивного романа», подчеркивая в предисловии: «Это современный роман. Я создаю ситуативных героев, а не характеры». В целом же переживания ушедших лет – привычная художественная деталь. Так, в повести В. Мамедова «Возвращение Будды» повествуется о капитане, однажды побывавшем в Индии и до конца жизни не сумевшем выйти из плена очарования страной. Жестокая реальность, где нет места людскому взаимопониманию, пересекается с грезами несостоявшейся любви в сказочном государстве. Не найдя альтернативы своим несбывшимся мечтам, главный герой погибает в согласии с восточным ритуалом, эти грезы превращаются в пепел. Так осуществляется уход от ненавистной реальности.

В произведениях Ильгара Фехми («Акваланг», «Актриса», «Аквариум») герои существуют в двух мирах: в мире грез и реальном. Их трагедия в том, что они не могут смириться с реальностью, с несбывшимися мечтами. Реальности предпочитают мир своих грез. Концепт прошлого сохраняется и в его романе о родном Баку. Автор так определяет жанр своего произведения: «... я пишу не реальную историю Баку, а историю города, которая живет во мне, это мой город, который принадлежит только мне... Я создал свой город не в реалистическом, а в художественно-эстетическом стиле...» [8].

И. Фехми и некоторые другие писатели XXI века отдают дань родному городу, противопоставляя его нравственным устоям старины. Отчетливо звучит мысль, что глобализация, охватившая современный мир, способна

унести в небытие то сокровенное, что характеризует Баку. Однако совершенно очевидно, что талантливое художественное произведение должно быть создано в рамках двухуровневой системы, то есть единства содержания и формы, как динамический синтез спаянных между собой структурно-смысловых аспектов. Но этим, как выясняется, страдает проза И. Фехми. А именно: пытаюсь натуралистическими красками передать дух города, физически воспроизвести запах нефти и асфальта, автор разделяет единую тему на отдельные мелкие текстовые «фрагменты». Связь с целым утрачивается, и в итоге образ города, восстановленный на основе отдельных «кусочков», как представляется, выглядит блекло.

Некоторую известность в Азербайджане получили произведения видного современного писателя-прозаика Льва Аскерова. Его перу принадлежат многочисленные исторические и психологические романы: «Приговоренные», «Человек с того света»; фантастические: «С миссией в ад», «Месть невидимки», повести «Записки чекиста», «Рукопись доктора Преображенского», «Особых примет не имеют»; цикл очерков: «Голубые версты»; детективная драма «Дом Иветты»; документальная повесть в стиле воссоединения метафизического и агиографического жанров «Возвращение» (об историческом пути легендарной личности Александра Стопани); рассказы «Сария Сурамини», «Мелодия Неаполитанского танца» и многие другие.

Л. Аскеров является плодовитым прозаиком, сумевшим внести свою скромную лепту во многие жанры национальной прозы, причем в некоторых случаях сумел даже причудливым образом синтезировать их. Указанные и некоторые другие сочинения Л. Аскерова не только являют собой ясную картину синтеза жанров и новаторских для азербайджанской филологии идей, но и объединения различных стилевых систем, образных мотивов и художественных приемов.

Творчество Л. Аскерова примечательно, прежде всего, тем, что поиск героя осуществляется в русле экзистенциализма. Часть его сочинений определенно напоминает нам романы известных английских писателей Уильяма Голдинга, Айрис Мёрдок, Мюриэл Спарк, Колина Уилсона и т. д. С одной стороны, его романы отличаются острой интригой и динамичностью, держат читателя в постоянном напряжении, возбуждая мысль о таинствах человеческих. Несмотря на некоторую тягу к реалистическому изображению характеров и событий, тем не менее, порою отмечается самобытный, достаточно оригинальный

взгляд на литературу, философию, этику, психологию, психиатрию, происходит нарушение привычных границ общеизвестных реалистических канонов в сторону экзистенциального мировосприятия. Кроме того, им с философско-исторических позиций поднимаются и анализируются извечные вопросы о жизни и смерти, смысле человеческого существования, что весьма присуще европейским писателям-экзистенциалистам.

С другой стороны, авторские суждения характеризуются ярко выраженным драматическим пафосом и временами даже навевают на нас грусть. В романах, рассказах и повестях Л. Аскерова нередко ключевыми становятся слова или выражения типа «скука», «страх», «наваждение», «боль», «игра», или активно используются такие выражения, как горечь утрат, роковое ожидание, фатальное стечение обстоятельств, тревога личности, состояние растерянности и подавленности, потеря родных истоков, разочарованность в прежних идеалах, осчастливленный характер смерти и т. п. Это типичные слова-сигнализаторы, присущие экзистенциальному поиску героя. Кроме того, в основе произведений Л. Аскерова, как правило, лежит тайна, далекая и непостижимая, часто связанная с недоступностью нормального человеческого общения или жизненными неурядицами. Элементы случайности либо божественного прозрения в них достаточно высоки, а потому мы имеем возможность трактовать такие сочинения в экзистенциальном аспекте.

Правда, этот опыт в чем-то удачен, в чем-то нет. Но одно очевидно: Л. Аскеров отнюдь не ограничивается изображением драматических ситуаций, в которые ежечасно попадают его литературные герои. Находясь в тисках противоречий, писатель раскрывает значительность и глубину человеческих чувств. Тем самым восстанавливается истинная мера человеческих деяний на основе современной действительности. Надо отметить, что борения страстей, как и в лучших европейских экзистенциальных романах, в произведениях азербайджанского автора также обостряются в кризисных и экстремальных ситуациях.

Итак, из отмеченного в настоящей статье становится ясно, что в современной азербайджанской литературе постмодернизм находится в зародышевом состоянии (за исключением романов К. Абдуллы), чаще имеет экспериментальный характер. Субъективно вырисовывается картина, в которой реализм как бы сдает свои позиции постмодернизму. Но мировой опыт показывает, что реализм и сегодня актуален. В русской критике сейчас

основные поиски заключены вокруг новых модификаций реализма. Обретение реализмом новых черт и поиски героя в этом направлении, бесспорно, способны позитивно повлиять на развитие азербайджанской прозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джахангир, А. Глобализация или национальное: в чем выход из дилеммы? / А. Джахангир // Дружба народов. – 2006. – № 3. – <http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/3/>.
2. Алишаноглы, Т. Новое литературное поколение: поиски, проблемы / Т. Алишаноглы. – Баку: Йурд, 2002. – 64 с.
3. Талыбзаде, А. Белый дервиш долины кудесников или Камал Абдулла с 60-летним юбилеем / А. Талыбзаде // Азербайджан, Баку. – 2010. – № 12. – С. 20–22.
4. Китаби Деде-Горгуд- фантазия на тему // Иностранная литература. – 2007. – № 4.
5. Проскурина, М.Б. Македонский постмодернистский роман 1980–1990-х гг. / М.Б. Проскурина // Вестник МГУ. Сер. 9. – Филология, 2001. – № 3. – С. 40–52.
6. azadliq.org/section/virtual_library2/1000.html.
7. Чупринин, С. Двенадцать мнений о перспективах русских литературных журналов / С. Чупринин // Знамя. – 1997. – № 1. – С. 207–209.
8. kult.az/ilqar-fehmi.

SUMMARY

The article deals with the features of development of the Azerbaijan prose and the basic tendencies of development of modern prose. The problems of artistic method, realism and postmodernism are considered on the basis of creativity of the Azerbaijan prose writers. It is marked that the modern prose develops in two directions: creativity of the senior generation of writers and young writers. If the former do not depart from the canons of realism, the young aspire to acquire the technique of the modern novel. This fact negatively influences the development of literature. The repetition of topics, disatility to reveal the soul of modern man take place. The interest in new techniques instead of their artistic mastering lead to the creation of novels which are considered by critics as unsuccessful experiments.

Поступила в редакцию 17.02.2014 г.